

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисъ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдельнаго номера 20 к.

Ф А Л А Н Г А

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 75 „

Э. К. ПАВЛОВСКАЯ.

НАШИ СПОСОБЫ

Способъ древнѣйшій, національный.

Способъ современный, интернаціональный.

2 МАРТА, 1881 Г.

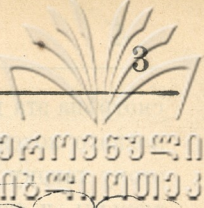
Свершилось Божіе велѣнье:
 Почилъ невольнымъ сномъ и Тотъ,
 Кто далъ рабамъ освобожденье,
 Кто былъ—и щить ихъ, и оплотъ;
 Кто православному народу
 Идею братства завѣщаль
 И слову русскому свободу
 Державнымъ словомъ обѣщаль!

**

...Позоръ злодѣйству! Но злодѣю
 Поэтъ не въ силахъ отомстить,
 Пока не пробилъ часъ—идею
 Свободы слова воплотить!!
 Но скоро правый судъ свершится:—
 И мысль, свободная кругомъ,
 Какъ громъ небесный разразится
 Надъ нашимъ внутреннимъ врагомъ!!...

Страшная вѣсть поразила на этой недѣлѣ ужасомъ Россію; мрачную страницу прибавило время къ Русской исторіи!... Дерзновенная горсть безумныхъ фанатиковъ свершила небывалое, неслыханное злодѣйство и прекратило дорогіе дни Того, Кто, Самодержавно управляя судьбами Россіи, сдѣлалъ для нее такъ много добра. До глубины души нашей возмущенные, мы хотѣли бы въ эти трудныя минуты обладать всѣми средствами, которыя давали бы намъ возможность доказать на сколько дорога намъ была жизнь усопшаго Монарха. Мы бы хотѣли теперь имѣть возможность говорить откровенно, открыто излить все то, что накипѣло въ нашихъ оскорбленныхъ послѣдними событіями сердцахъ, мы желали бы теперь доказать противникамъ прогресса, поборникамъ тьмы и насилия, какъ много въ насъ искренней любви къ общей родинѣ нашей и къ То-

му, Кто нынѣ призванъ руководить ея судьбами... Только свободное развитіе и укрѣпленіе здоровыхъ жизненныхъ соковъ молодого русскаго общественнаго организма можетъ окончательно уничтожить уродливыя язвы, гноящіяся нынѣ на наболѣвшихъ мѣстахъ его. Такъ пусть же на тѣхъ, кто подъ личиною вѣрнаго служенія Престолу и Отечеству задерживаетъ развитіе и укрѣпленіе этихъ соковъ, пусть на нихъ всецѣло падаетъ позоръ послѣднихъ событій; пусть они будутъ отвѣтственны передъ нашими потомками за тѣ темныя пятна, которыя неизгладимо легли на страницы русской исторіи; пусть они покаются передъ Богомъ за рядъ напрасныхъ жертвъ, за невинно пролитую кровь. Да, имъ, только имъ однимъ, мы посылаемъ укоръ изъ самой глубины нашего возмущеннаго, истерзаннаго и попораннаго духа...

ОЧИЩЕНІЯ УЛИЦЪ.

Способъ новѣйшій, антинаціональный.

Способъ естественный и самый дѣйствительный.

ПѢСНЯ МАРКИТАНКИ.

(Изъ тридцатилѣтней войны).

Гусаровъ очень я люблю,
Въ бою Господь храни ихъ!
Люблю ихъ безъ различья всѣхъ—
Какъ желтыхъ, такъ и синихъ.

И мушкетеровъ я люблю,
Люблю всѣхъ мушкетеровъ—
И стариковъ и молодыхъ,
Солдатъ и офицеровъ.

Люблю пѣхоты храбрецовъ,
Лихихъ кавалеристовъ;
Ночей я много провела
Среди артиллеристовъ.

Мнѣ милъ и нѣмецъ и французъ
Я благосклонна къ финну,
Мнѣ нравится испанецъ, чехъ...
Я въ нихъ люблю мужчину.

Какой онъ вѣры—все равно:
Я не строга, безпечна...
Мнѣ дорогъ человекъ и милъ,
Коль онъ здоровъ, конечно.

Отечество и вѣра ихъ—
Вѣдь это только платье...
.....
.....

Я человекъ и отдаюся
Всѣмъ людямъ безъ оцѣнки
А—не заплатятъ мнѣ сейчасъ—
Долгъ запишу на стѣнкѣ.

Вѣнкомъ увѣчанъ мой шатеръ
И я до поздней ночи
Мальвазіей торгую, лю
Вино изъ свѣжей бочки.

Д. М.

ИЗЪ ДНЕВНИКА „СРЕДНЯГО ЧЕЛОВѢКА“.

(Отрывокъ).

Трудно жить въ наше время, господа, очень трудно!... Въ особенности нашему брату, человеку средней руки, привыкшему слѣпо вѣрить тѣмъ или другимъ коноводамъ, привыкшему жить по правиламъ проценированного кодекса, привыкшему пользоваться умственной пищей, прожеванной чужими зубами. Кому вѣрить, за что бороться, чему молиться, что презирать и ненавидѣть?— Вотъ вопросы, на которые мы никакъ не можемъ уловить отвѣта въ блудныхъ звукахъ современнаго говора.

Не такъ было во времена нашихъ дѣдовъ и отцовъ! Какъ проста, какъ беззащитно оголена, какъ до наглости ясна была ихъ общественная жизнь. Всѣ ихъ добродѣтели были перенумерованы, скрѣплены и прошну-

рованы за печатью; вся ихъ доблесть была кратко и ясно изложена въ вѣками освѣщенныхъ прописяхъ; всѣ ихъ пороки были предусмотрѣны статьями уголовныхъ кодексовъ. Они вѣрили и въ эти прописи, и въ эти кодексы; они вѣрили внутреннему голосу незатѣливой совѣсти, они вѣрили въ прочность краеугольныхъ камней, положенныхъ въ основу ихъ жизни. *Здѣсь* стояла правда съ своими принципами, *тамъ*—кривда съ приманками и обольщеніями, и каждый шелъ сюда или туда, подчиняясь природнымъ наклонностямъ и внѣшнимъ условіямъ. Честный человекъ, хотя и терпѣлъ много невзгодъ и гоненій, но за то собственная душа его была свѣтла; онъ былъ гордъ, и силенъ сознаніемъ того, что онъ честный человекъ; въ это отрадное сознаніе не примѣшивалась ни единая капля мучительныхъ сомнѣній. На сколько вся эта правда была хороша и на сколько кривда дурна—это другой вопросъ, но, по крайней мѣрѣ, граница то между ними была рѣзко начерчена, область каждой изъ нихъ была отмежована опредѣленными, всѣмъ извѣстными и понятными предѣлами. Попадется въ какомънибудь простукѣ какойнибудь поклонникъ кривды и никакихъ вслѣдствіе этого не могло произойти недоразумѣній и сомнѣній. Всякій вполне ясно и сознательно понималъ, что совершилъ сей человекъ такую то мерзость, что преду-

смотрѣна эта мерзость такую то статью уголовного кодекса, и что подлежит онъ по этому такому то наказанію. И прятали въ тюрьмы, и ссылали въ мѣста отдаленныя и кнутыями били, и по временамъ разстрѣливали и вѣшали; и все это дѣлалось просто, открыто, ясно, безъ долгихъ разсужденій, безъ малѣйшей дозы сомнѣнія, безъ пышныхъ фразъ и любезныхъ извиненій философско-юридическаго содержанія. Всѣ вѣрили и понимали, что получаетъ человѣкъ по дѣламъ своимъ, вѣрили, потому—что *здѣсь* стояла правда, *тамъ* стояла кривда и могли мы, люди средней руки, люди, привыкшіе держаться за чьи нибудь фалды идти по желанію *сюда* или *туда*.

А теперь...

Боже праведный!.. Куда примкнуться, за чьи фалды ухватиться?... Гдѣ правда, гдѣ кривда, гдѣ кончается современный честный человѣкъ и начинается скотина? Куда ни взглянешь всюду мелькаютъ какіе то чудовищные мифологическіе образы, въ которыхъ признаки человѣка и скота скрѣплены неразрывными узамы. Въ наше время не только другихъ, но и самого себя никто смѣло, въ минуту искренности, положила руку на сердце, не посмѣетъ назвать честнымъ человѣкомъ. Куда ни ткнешь, вездѣ прорѣха, вездѣ груда сверженныхъ кумировъ, мусоръ въ порошокъ расколотенныхъ краугольных камней. Вмѣсто нравственныхъ принциповъ летаютъ по воздуху какія то отрывочныя, длиннохвостыя фразы, которыхъ никто какъ слѣдуетъ не понимаетъ и которыхъ всякій на лету, сбивая съ ногъ другихъ, старается нахватать какъ можно болѣе... И рѣдко у кого даже простаго любопытства хватить на столько чтобы спросить, по крайней мѣрѣ, у пойманной за хвостъ фразы:

Скажи мнѣ фраза дорогая,
Гдѣ ты цвѣла, гдѣ ты росла,
Какой страны, какого края
Ты украшеніемъ была?

За что же ухватиться?!...

Наши отцы насъ воспитали въ строгихъ правилахъ вѣками освѣщенныхъ прописей; мы попали въ высшія учебныя заведенія въ то горячее время, когда невольно должны были пойдти за коноводами, высоко поднявшими оболѣстительное знамя съ неясными буквами какихъ то новыхъ принциповъ. Все подверглось смѣлой критикѣ, все рушилось подъ размахистыми ударами внезапно встрепенувшагося ума; отъ отцовскихъ прописей и клочка не осталось. Въ качествѣ среднихъ людей мы вышли цѣлы и невредимы изъ всей этой кутерьмы. Насъ снабдили дипломами, учеными степенями и выпустили въ міръ, сказавъ: «вы свободны, выбирайте любую дорогу, передъ вами открыта широкая арена общественной дѣятельности». Мы бросились на эту арену, расширенную благодѣтельными реформами; на нее, на эту арену, мы

возлагали лучшія наши надежды и вдругъ... совершенно неожиданно для насъ самихъ очутились въ душныхъ канцеляріяхъ съ отцовскими перьями въ рукахъ.

Тутъ то и начались наши мучительныя сомнѣнія. Что мы дѣлаемъ, чему служимъ, зачѣмъ скрипимъ этими старыми перьями, зачѣмъ сидимъ въ этихъ душныхъ канцеляріяхъ, когда вотъ, тамъ, на этой широкой аренѣ, такъ роскошно, весело и привольно кипитъ жизнь? Всѣ эти тревожные вопросы толикою завертѣлись въ нашихъ испуганныхъ мозгахъ и вдругъ неожиданно слились въ одинъ роковой, кольнувшій прямо въ сердце, вопросъ: Кто мы такіе?.. Вы честные люди, отвѣтили намъ прописи нашихъ отцовъ; вы подлецы, отвѣтили намъ грозныя тѣни нашихъ школьныхъ товарищей. Мы окончательно растерялись и какъ ошалѣлые стали тупо смотрѣть на странныя проявленія непонятныхъ для насъ общественныхъ силъ. Вопросы роковые, мучительные вопросы, какъ иглы сидятъ въ нашихъ мозгахъ!

Человѣкъ запускаетъ руку въ сундукъ какого нибудь банка, или иной частной компаніи предпринимателей. Его ловятъ, судятъ, ссылаютъ. Дѣло, повидимому, совсѣмъ ясно и просто. Человѣкъ проворовался и получаетъ по дѣламъ своимъ; но вдругъ услышишь разсужденія о томъ, что это еще вопросъ, кого считать настоящимъ воромъ, того ли, который укралъ изъ сундука сего банка или сей компаніи, или того, кто осторожно и энергично оберегаетъ интересы этого самого сундука?.. И опять сомнѣнія. Оправдаютъ—и все таки не знаешь дѣйствительно ли чистъ человѣкъ, или же только, благодаря ловкому и талантливому адвокату спасся. Соплуть въ мѣста отдаленныя, и опять сомнѣнія: его ли, дѣйствительно, сослать слѣдовало, или кого либо другаго, и если его сослали, то почему вмѣстѣ съ нимъ вотъ этихъ всѣхъ не сослали. Вспомнишь прочувствованную, убѣдительную рѣчь адвоката, который ясно доказалъ, что всѣ виновны кромѣ его клиента; вспомнишь сановитую фигуру безкорыстнаго общественнаго дѣятеля, который съ такимъ достоинствомъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, который сказалъ такое теплое послѣднее слово и который такъ безкорыстнымъ общественнымъ дѣятеlemъ и пошелъ по Владимирской дорогѣ; вспомнишь все это... и сердце оболѣтается кровью. Господи, да за что же?... За что же онъ, одинъ онъ страдаетъ, когда всѣ мы...

Ужасно, ужасно наше положеніе, господа! За кого, за что ухватиться? Сегодня онъ тебя накормитъ честнымъ прочувствованнымъ монологомомъ, завтра онъ тебя потянетъ за собою на скамью подсудимыхъ. На кого ни взглянешь, сейчасъ же думаешь: «А Господь его знаетъ, что онъ за человѣкъ».

Въ литературу заглянешь, тамъ начнешь искать для себя твердую почву и что же?...

Прочтешь краснорѣчивую, прочувствованную, правдивую статью, воскликнешь: *да, наши*; наконецъ и вдругъ вспомнишь: *что это* самого литератора, какой то другой литераторъ, гдѣ то и когда то назвалъ лжецомъ, клеветникомъ, и даже доносчикомъ и не только назвалъ, а краснорѣчиво, убѣдительно и ясно доказалъ. Кому же вѣрить?...

Скажите же не намъ: кому?

Скажите гдѣ кончается современный честный человѣкъ и начинается скотина?

Неужели же надо вѣрить тому поэту, который восторженно заявилъ:

Что по теоріи Дарвина
Изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ
Есть высшая скотина.

Г—овъ.

„РЫНОКЪ ЖИЗНИ“.

...Кричатъ торговцы хоромъ дружнымъ:—

„Сюда сѣдните господа!...“

„На „рынкѣ жизни“ все-что нужно

„Купить вы можете всегда...“

„Здѣсь всѣ наживу только чуютъ...“

„Здѣсь равенъ баринъ съ мужикомъ;“

„Пристрастьемъ судьи здѣсь торгуютъ,

„А адвокаты языкомъ...“

„Здѣсь честь въ аренду отдается;

„Здѣсь отпускаются грѣшки;“

„Здѣсь совесть въсомъ продается,

„А правду мѣрятъ на вершки.“

„Здѣсь—честныхъ тружениковъ жены

„Торгуютъ святостію узъ;“

„Поэты здѣсь съ аукціона

„Вамъ продадутъ всѣхъ девять музъ...“

„За деньги здѣсь купить возможно

„И человеческую кровь...“

(Конечно только осторожно)...

„И (за пятишницу) любовь!...“

Атомъ.

ВѢСТИ И СЛУХИ.

1) *Кавказскій Курьеръ* сообщаетъ, что *Судебные Порядки* будутъ печатать *Тифлисскія Объявленія*. Это весьма возможно тамъ, гдѣ издается *Кавказъ*.

2) *Новое Время* наступило для *Россіи*: Въ нашей *Жизни* ощущается нѣкоторый *Порядокъ*; *Правда* и *Добро* готовятся занять надлежащее мѣсто на *Руси*; *Русская Рѣчь* и *Мысль*, получаютъ право гражданства; говорятъ, что *Голосъ* и *Трудъ* честнаго человѣка будутъ уважаться. *Дѣло* и *Отголоски* на общественныя нужды при полнѣйшей *Гласности*—будутъ дѣломъ обыкновеннымъ, единственное наше опасеніе, — какъ бы этотъ *Лучъ Минуты* этотъ *Огонекъ* общественнаго самосознанія не погасъ.

П. А.

ВЕЛИКОПОСТНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Распростились съ масляницею, съ ея блинами, маскарадами, балами, утренними и вечерними спектаклями и привялись къ джонджели, лебію и слушать лекціи Пашино о животрепещущемъ вопросѣ: о русскихъ завоеваніяхъ въ средней Азіи. Впрочемъ, первый шагъ всегда бываетъ неудаченъ и потому первая публичная лекція въ „Кружкѣ“ никого, кромѣ гимназистовъ и цензоровъ, не привлекла. Нельзя не пожалѣть, что такое фіаско потерпѣло чтеніе знаменитаго вояжера, во всякомъ случаѣ весьма поучительное; въ продолженіи часа, можно было узнать отъ лектора, что Кауфманъ получилъ Георгія 3 степени, Крыжановскій пользовался большою властью, а Романовскій награжденъ Владимиромъ, что Черняевъ ни толстъ, ни тонокъ, ни низокъ, ни высокъ, имѣть толстый носъ и обладаетъ способностью производить трескъ въ своихъ волосахъ. Жаль только что лекторъ слегка коснулся *ташкентскихъ нравовъ*: конечно, очень интересно было слышать, какъ Черняевъ потерялъ кредитъ въ глазахъ ближайшаго начальства вслѣдствіе своей популярности въ Ташкентѣ, но еще интереснѣе было-бъ узнать, какъ это люди, ни къ чему неспособные и ровно ничего не дѣлающіе, получаютъ изъ ташкентской казны не изыскаемыя преміи за остроумные сны и лингвистическія и иныя ученныя изслѣдованія подъ названіемъ: „Первое апрѣля“.

Впрочемъ, такіе предметы, быть можетъ, и недостойны большаго вниманія, потому, во первыхъ, что на дняхъ вступилъ въ свои права вѣтряный мѣсяцъ, называемый грузинами „гижи марти“, а во вторыхъ, зиму смѣнила весна,—время оживленія природы, время надеждъ и упованій: слѣдовательно, можно надѣяться, что „гижи марти“ смететъ съ теплыхъ мѣстечекъ если не всѣхъ, то многихъ ташкентцевъ.

Однакожъ „гижи марти“ раньше всѣхъ подулъ на столбцахъ газеты „Дрозба“. Туда перваго же числа ворвалась нѣкая кумушка Софья Г., убѣждавшая публику въ существованіи какихъ-то никому невѣдомыхъ, скрытыхъ талантовъ грузинской выходной актрисы. Начнемъ однако ab ovo.

Въ послѣдній день масляницы какіе-то шутники устроили этому аксесуару грузинскаго театра сюрпризъ: на актрису посыпался дождь разныхъ подарковъ, впрочемъ весьма сомнительнаго достоинства. Шутку эту не могъ позабыть театральнй рецензентъ „Дрозба“ г. Акакій, съострившій по этому случаю, что оваціи преждевременны, что въ лучшую пору грузинскаго театра первые будутъ послѣдними и послѣдніе—первыми: г. Тома-швили и г-жа Хейдзе будутъ исполнять первыя драматическія роли, а г-жи Габунія и Сапарова подадутъ имъ письма на подно-

сѣ, и что тогда, и только тогда публика получить право награждать свою любимицу. Такъ какъ все это было торжественно произнесено объ актрисѣ, которая никогда не умѣла на сценѣ сказать правильно ни одной фразы, то всѣ, понятно, посмѣялись надъ выходкою остроумнаго фельетониста, пародировавшаго гадалщицу «Кодели Нино» и глупую театральную исторію предали рѣкѣ забвенія. Но на дняхъ подулъ мартовскій вѣтеръ и г-жа Софья Г. совсѣмъ сбилась съ толку. Она, усердно читая календарь г. Шаррова первое марта приняла за первое апрѣля и разразилась арабскими сказками о невидимыхъ талантахъ; она такъ и говорить: у актрисы есть талантъ, хотя онъ на сценѣ и не замѣтенъ.

Что-то скажетъ Софья Г. на исповѣди!

ЗАМѢТКИ.

Наше мнѣніе о себѣ служитъ основаніемъ нашихъ иллюзій.

* *

Врагъ, стоящій впереди, лучше друга,—стоящаго сзади...

* *

Что-бъ извиниться съ достоинствомъ, нужна большая храбрость!

* *

Философъ, припоминающій забытую имъ мысль, похожъ на человѣка, возвращающагося назадъ за версту, чтобъ отыскать потерянный грошъ.

* *

Судить о человѣкѣ по одному его поступку, также неосновательно, какъ судить о рѣчѣ по одной фразѣ.

* *

Для глупца невыносимо уединеніе: онъ тогда чувствуетъ, какъ для него скверно оставаться съ самимъ собою.

* *

Для многихъ женщинъ добродѣтель составляетъ только одно изъ средствъ одержать верхъ надъ другими.

* *

Есть много непризнанныхъ гениевъ, но еще болѣе—непризнанныхъ болвановъ.

* *

Три вещи невозможны для женщины: 1) пройти мимо моднаго магазина не остановившись, 2) взять на руки чужаго ребенка, не сказавъ:—„какъ онъ милъ“ и 3) увидѣвъ новую матерію не спросить,—что стоитъ аршинъ.

Записалъ и переписалъ

И-да-М.

ВѢЧНЫЙ ПРАПОРЩИКЪ.

(Фотографическій снимокъ).

Вотъ юный прапорщикъ съ усами,
Съ едва замѣтной бородой,
Съ немного длинными ушами,
Съ одной единственной звѣздой.
Но эта звѣздочка судьбою
Ему свѣтить обречена;
Его мундиръ она собою
До гроба украшать должна.
Быть можетъ, много лѣтъ далекихъ
Надъ міромъ грѣшнымъ пролетитъ,
А на плечахъ его широкихъ
Она одна лишь заблеститъ.
Но что-жъ, онъ, право, не тоскуетъ,
Онъ веселъ, не глядитъ назадъ,
Онъ здѣсь поѣстъ, а тамъ ночуетъ,
И всѣхъ смѣшитъ онъ вѣчно радъ.
Онъ никого не забываетъ,
Знакомыхъ крѣпко помнитъ онъ,
И если самъ не забѣгаетъ,
То чрезъ другихъ пришлетъ поклонъ.
Онъ на балахъ всегда развизенъ,
Хоть на плечахъ чужой мундиръ;
Онъ къ вальсу всей душой привязанъ,
А контрадансъ—его кумиръ.
Но мысль одна кошмаромъ стала
Въ душѣ героя удалой—
Чтобъ послѣ шуму, блеска бала
Не уходитъ совсѣмъ домой:
Вѣдь тамъ канура подъ заборомъ
Изъ ветхихъ досокъ сложена,
Въ ней вѣтеръ воетъ на просторѣ,
Совсѣмъ скривилася она;
Постель въ ней изъ гнилой соломы,
Скамья безъ ножекъ у стѣны,
Сквозь потолокъ на небосклонѣ
Видать движеніе луны.
Весь гардеробъ—одна рубашка,
Три сапога безъ каблуковъ,
Безъ козырька одна фуражка
Да пары двѣ гнилыхъ носковъ.
Мундиръ чужой, пальто чужое,
Чужая сабля тамъ въ углѣ
И даже (счастье ужъ такое)
Чужая свѣчка на столѣ.
Хозяйка цѣлый день ругаетъ,
Покоею вовсе не даетъ,
Изъ дому выгнать вонъ пугаетъ
И щетку иногда беретъ.
Какъ избѣжать ему позора?
И какъ идти ему домой?
И часто, часто у забора
Проводитъ ночи мой герой.

Изъ записокъ разсѣяннаго человѣка.

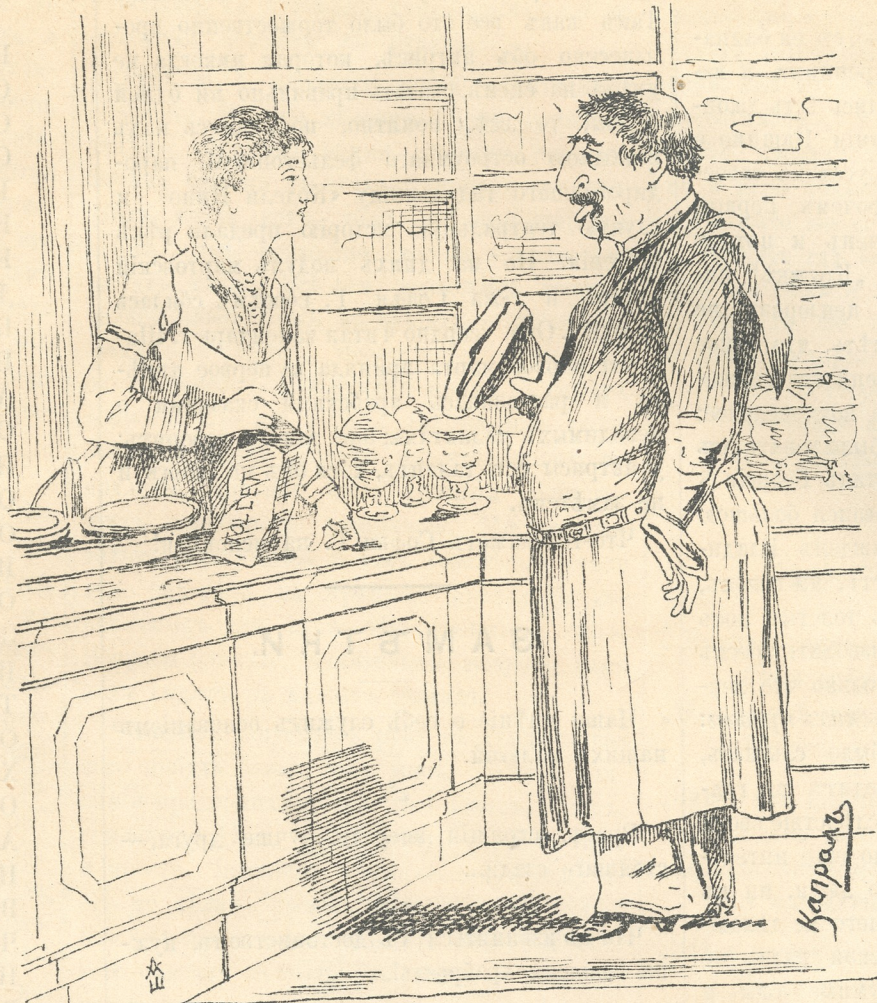
...Одинъ мой знакомый, такъ любилъ спать, что посвящалъ сну 25 часовъ въ сутки...

...Прекрасные, густые, черные волосы росли на его—совершенно лысой головѣ...

...Мы плыли въ открытомъ морѣ... Когда достигли мы половины пути, то корабельная качка такъ мнѣ надоѣла, что я, сойдя съ корабля, продолжалъ путь верхомъ.

Атомъ.

ЭЛІТЭСЭЭН
ЭНЭЭНЭЭНЭЭЭ

Ва!... патажды, нэ загэрны; посмотримъ какой кампеть
палажилъ, можить стари...

ШКОЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ № 3.

Цѣль всякаго воспитанія, какъ вы конечно знаете, состоитъ въ томъ, чтобъ смягчить ваши нравы и не допустить васъ быть грубыми. Добрый и терпѣливый плательщикъ, добывающій деньги, чтобы цивилизовать васъ, утѣшаетъ себя надеждою, что онъ, или его дѣти воспользуются плодами утонченности вашихъ нравовъ въ уменьшеніи преступности, или скорѣе беззаконія, съ неизбѣжными за ними убытками. Не допустимъ мы его жить, и умереть съ обманутыми ожиданиями. Смягчайте ваши нравы до мягкости титекъ. Не допускайте никогда ваши злобные порывы переходить за предѣлы приличнаго негодованія; не допускайте никогда ваши, болѣе или менѣе маленькіе ботинки, и находящіяся въ нихъ, болѣе или менѣе маленькія ножки топтать предъ вашей сестрой, или мамой. Сдерживайте нескромныя рѣчи. Ваши маленькіе язычки не были созданы для того, чтобы дѣлать насмѣшливыя замѣчанія въ глазахъ другъ друга.

Я говорю, сдерживайте нескромныя рѣчи. Я могла бы пойти далѣе и сказать, никогда не употребляйте выраженій, которыя бы не были сильно разжижены водою. Никогда не говорите: я ненавижу такую то вещь, когда въ вашемъ распорядкѣ есть такое безобидное слово какъ: мнѣ не нравится то-то. Не называйте людей порочными, когда вы можете сказать, что они заблуждаются. Никогда не обвиняйте кого либо въ нахальствѣ, когда вы можете сказать, что онъ немножко уже черезъ чуръ самоувѣренъ; никогда не скажите, что такой-то упрямъ, когда въ вашемъ распорядкѣ есть такое выраженіе какъ: настойчивъ; при-

помните, что ничего нѣтъ звѣрскаго, ужа снаго и что все это только неблаговидное; никто не грубъ и безчувственъ, а онъ только сдержанно чувствителенъ. Припомните, что никто не вретъ, а онъ только говоритъ неправду; никто не мошенничаетъ, а только проводитъ; никто не преступенъ, а только беззаконенъ; что никто не дѣлаетъ ошибки или промаха, а только виновенъ въ неправильномъ сужденіи.

Вещи, которыя грубый народъ называлъ бы свинствомъ или дрянью, вы должны называть бездѣлицей или пустяками; вещи, которыя менѣе утонченный народъ называлъ бы скверными и постылыми, вы должны назвать темными и грязноватыми; вещи, которыя всѣ называли бы сумасбродными, пышными вы должны назвать блестящими. Не забывайте никогда, что люди не дураки и не глупы, не вульгарно жирны, а только пріятно округлены; что никто не обжирается, а только накушивается; что слово, убійство смягчается словами: отправленъ на тотъ свѣтъ; что вранье надо называть выдумкой, и что того кто вретъ слѣдуетъ величать: выдумщикъ.

Это только общая вѣжливость, которую вы должны наблюдать по отношенію ко всѣмъ классамъ обоюго пола; но по отношенію къ дамамъ вы должны быть еще болѣе осторожны. Позвольте мнѣ напечатлѣть въ вашей памяти, что женщина никогда не безобразна, а она можетъ имѣть только обыденную физиономію. Когда она обвиняется какъ выскочка, вы должны сказать, что она свободна и легка, вы должны измѣнить эти слова, сказавъ, что она либеральна и не стѣсняется; и когда поэтъ (я думаю, что это былъ Шекспиръ) наставляетъ на томъ, чтобъ дать ей назва-

ніе слабой, вы должны измѣнить это обидное слово, сказавъ, что она несовершенна.

Сдѣлайте все, что возможно, чтобы регулировать ваши слова такимъ образомъ, чтобы никто не замѣтилъ и не заботился о томъ, что вы сказали; въ особенности же избѣгайте ругательныхъ выраженій, которыя, къ сожалѣнію, проникаютъ даже въ почтенные нѣкогда журналы. Мнѣ стоитъ только напомнить неприличные нападки, сдѣланныя въ „Фалангѣ“ на этаго великаго и славнаго ученаго, какъ Г. И. Если уже такое украшеніе растительнаго царства выставляется на недостойное осмѣяніе, то мы естественно спрашиваемъ себя, что же будетъ далѣе? и остаиваемся въ ожиданіи отвѣта.

„ПРЕДМЕТУ“.

(Изъ Гейне).

Часто—ложь въ твоихъ лобзаньяхъ,
Но мое блаженство—чаще!
Милъ обманъ тебѣ, не спорю;
Но обману вѣрить—слаще!

Преодо мной не извернешься,
Какъ ты тамъ ни лицемѣришь:
Вѣрю я—коль ты клянешься,
И клянусь—когда ты вѣришь!

Иванъ-да-Марья.

МИШУРА.

Предъ окошкѣмъ ювелира
Ты ужъ полчаса стоишь;
На блестящаго кумира
Съ наслажденіемъ глядишь.
Блещутъ ярко діаманты,
Но не вѣрь имъ... блескъ ихъ ложь...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Ты, прощаясь съ красотой,
Шлешь укоръ своей судьбѣ,
Плачетъ милая, головкой
Прислонившись къ тебѣ.
Слезы... точно діаманты,
Но ты сердца не тревожь...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Пышный балъ устроилъ съ трескомъ
Проматавшійся банкиръ,
Для кредита балнымъ блескомъ
Обмануть желая міръ.
Рыщутъ тамъ официанты,
Ужинъ вкусенъ и хорошъ...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Вотъ дѣвица молодая...
Все въ ней прелесть и краса!...
Вьется черная, большая
Длинной лентою коса.
Щечки ярки точно банты,
Цвѣтъ лица какъ фая хорошъ...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Слышитъ юная дѣвица
Рѣчи, полныя страстей...
Начинаетъ сильно биться
Сердце трепетное въ ней.
Полны нѣги рѣчи франта,
На поэта онъ похожъ...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Много разныхъ обѣщаній
Намъ начальникъ новый далъ,
Всѣ кричатъ: преуспѣваній
И блаженства вѣкъ насталь.
Негодуютъ обскуранты,
Но не прыгай молодежь...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Пишетъ онъ легко и живо
Рядъ восторженныхъ статей,
Говоритъ краснорѣчиво
Много доблестныхъ рѣчей.
Какъ брильянты блещутъ фразы,
Слогъ картиненъ и хорошъ...
То поддѣльные алмазы
И цѣна имъ—грошъ.

Посмотри на нашу залу!
Мы живемъ въ странѣ златой;
Деньги, честь воздавъ Ваалу,
Помираемъ мы ногой,
Блещутъ ярко ленты, банты,
Платья, цѣнности изъ ложь...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Шлеть исправникъ дозесеень,
Что въ уѣздѣ—просто рай,
Что урядникъ къ службѣ рвенъе
Льетъ усердно черезъ край,
Что довольны арестанты,
Что взросло прекрасно рождъ...
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

Нѣтъ!... отъ лавки ювелира
Лучше милая уйди
На мишурнаго кумира
Съ наслажденіемъ не гляди.
Хоть и блещутъ діаманты,
Но не вѣрь имъ... блескъ ихъ ложь
То поддѣльные брильянты
И цѣна имъ—грошъ.

ВОПРОСЫ.

- 1) Какое сходство между полководцемъ и сторожемъ телеграфной станціи?
- 2) Что общаго между побѣдителями и побѣжденными?
- 3) Какія женщины никогда не бываютъ *тяжелыми*?
- 4) Какіе люди обыкновенно застрѣливаются?
- 5) Про кого нельзя сказать, что онъ *разбитъ*?
- 6) Какой вечеръ можно назвать *нечайнымъ*?
- 7) Когда К. ложится на И?
- 8) Какая разница между Кавказомъ—страной и Кавказомъ—газетой?

ОТВѢТЫ.

- 1) Оба *разносятся*. Полководецъ побѣжденнаго непріятеля, а сторожъ телеграммы.
- 2) Оба иногда бываютъ *поражены*. Побѣжденные побѣдителями, а побѣдители неожиданностью своего успѣха.
- 3) *Легкія* женщины.
- 4) Люди *убитые*... Чѣмъ нибудь.
- 5) Про того, кто былъ не разъ битъ.
- 6) Тотъ, на которомъ пьютъ кофе.
- 7) Когда видитъ *Канале*.
- 8) Кавказъ—страна изобилуетъ острыми вершинами и высокими горами: а Кавказъ—газета—плоскостями и низкими мѣстами.

Черный Скорпионъ.

МЕЛОЧИ.

Какой преступникъ навѣрное знаетъ, какое наказаніе ждетъ его?

— Поддѣльватель кредитныхъ билетовъ, такъ какъ онъ на самомъ билетѣ пишетъ свой приговоръ.

Говорятъ, что Цитовичъ, будучи въ какомъ-то обществѣ, обнаружилъ «неунываніе» по поводу полученной имъ «съ печатью чистой отставки».

— Мнѣ робѣть нечего, сказала она, *поди* съ талантомъ нигдѣ не погибаютъ. *Возвращаюсь* въ родную Одессу и буду издавать на „благопріобрѣтенное“ газету „водovorотъ“.

— Ну, отвѣчали ему, если вы у „берега“ утонули, то въ „водovorотѣ“ навѣрное кости оставите.

Группа молодыхъ врачей, только что окончившихъ курсъ, наполняетъ канцелярію университета въ ожиданіи дипломовъ. Табачный дымъ, духота, шумный говоръ молодежи. Вдругъ одинъ изъ молодыхъ врачей падаетъ въ обморокъ среди комнаты.

— Доктора! Бога ради, доктора поскорѣе! вскрикиваетъ толпа испуганныхъ товарищей.

На выпускномъ экзаменѣ молодыхъ медиковъ профессоръ акушерства экзаменуетъ по своему предмету одного изъ студентовъ. Тотъ ровно ничего не знаетъ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы намѣрены служить по окончаніи курса, язвительно спрашиваетъ профессоръ.

— Въ такой-то дивизіи, такого-то полка, отвѣчаетъ студентъ.

Профессоръ поднимаетъ глаза къ небу, крестится и восклицаетъ: «слава Богу, что солдаты не рожаютъ!»

Э. К. ПАВЛОВСКАЯ.

Э. К. Павловская, портретъ которой мы помѣщаемъ на первой страницѣ, получила музыкальное образованіе въ Петербургской консерваторіи, гдѣ кончила курсъ сначала какъ пианистка, потомъ какъ пѣвица; затѣмъ артистка отпиралась въ Италію окончивать свое музыкальное образованіе и въ первый разъ дебютировала въ Кремонѣ близъ Милана; затѣмъ пѣла въ Асти, Мальтѣ, Равеннѣ и Туринѣ. Въ 1876 году она впервые появилась въ Россіи на сценѣ Кіевской оперы, гдѣ имѣла громадный успѣхъ. Таковымъ же успѣхомъ пользовалась талантливая артистка въ Харьковѣ, и Одессѣ и наконецъ въ 1880 году прибыла въ Тифлисъ. Успѣхъ ея въ Тифлисѣ слишкомъ хорошо извѣстенъ нашей публикѣ.

ЗАДАЧА СЛОВОВЪ.

Изъ нижеслѣдующихъ 17 словъ составить 8 словъ, которыхъ начальныя буквы, читая ихъ сверху внизъ составятъ фамилію одного изъ Русскихъ знаменитыхъ генераловъ, а послѣднія—названіе мѣстности, гдѣ онъ отличился.

Пис, ви, кю, е, об, фан, верст, ши, силь, ейск, рок, ма, пи, ки, ля, баш, вье.

- 1) Мужское имя.
- 2) Знаменитый естествоиспытатель.
- 3) Государственный доходъ.
- 4) Дамская обувь.
- 5) Городъ въ Тульской губерніи.
- 6) Химическое вещество, употребляемое въ медицинѣ.
- 7) Приморскій городъ въ Россіи.
- 8) Извѣстная цѣлебная вода во Франціи.

(Разгадка въ слѣд. №).

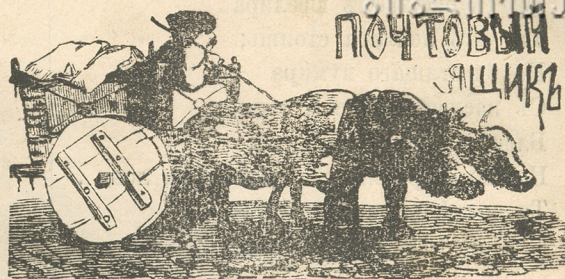
КРОМЪ ШУТОКЪ.

Нашъ Тифлисскій продолжавшійся почти годъ оперный сезонъ наконецъ окончился. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что русская опера имѣла въ Тифлиссѣ громадный успѣхъ. Первый разъ въ Тифлиссѣ были поставлены три русскія оперы: Русалка, Жизнь за Царя и Русланъ, которыя всѣ, а въ особенности Русалка, пользовались громаднымъ; еще не виданнымъ въ Тифлиссѣ, успѣхомъ. Итальянскія оперы также давали большіе сборы, въ особенности же тѣ изъ нихъ, въ которыхъ пѣла примадонна Павловская. Изъ нихъ Аида превзошла даже успѣхомъ Русалку. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный успѣхъ оперы въ истекшемъ сезонѣ обусловливался главнымъ образомъ хорошимъ составомъ пѣвцовъ, такимъ составомъ, отъ котораго Тифлисская публика въ послѣдніе годы существованія Итальянской оперы отвыкла. При такихъ условіяхъ является весьма интереснымъ вопросъ: почему г-нъ Пальмъ, кромѣ прекрасныхъ сборовъ, получившій еще и суду изъ казны, въ концѣ концовъ понесъ убытки? Намъ кажется, что причина заключается во первыхъ въ неумѣнн г. Пальма вести дѣло экономно; во вторыхъ фантастически большомъ жалованьи, которое онъ платилъ нѣкоторымъ, далеко не выдающимся артистамъ Петербургскаго Маринскаго театра, перешедшимъ на нашу сцену и въ третьихъ въ томъ, что помощь отъ казны была дана не въ началѣ дѣла, а въ теченіи и почти концѣ его. Если бы г. Пальмъ рассчитывалъ на вѣрняка на эту суду, онъ могъ бы правильнѣе вести дѣло съ самаго начала, такъ какъ постоянная нужда въ деньгахъ для покрытія текущихъ расходовъ и вѣчное желаніе кое-какъ обернуться не могли не создать путаницы въ счетахъ и лишннихъ убытковъ. Задумавъ дѣло русской оперы г. Пальму слѣдовало самому побѣхать въ столицы и главные города Россіи и тамъ переговорить съ артистами, прослушать ихъ, оцѣнить и условиться, а не выписывать артистовъ телеграммами, судя лишь по рекламамъ газетъ и соглашаясь на первыя предложенныя ими условія. Кормить собакъ, когда надо уже идти на охоту всегда бываетъ очень убыточно, а г. Пальмъ, по отношенію къ русской оперѣ, именно такъ и поступилъ.

Намъ кажется, что въ настоящее время вопросъ о необходимости и о полезномъ значеніи въ Тифлиссѣ русской оперы, къ которой такъ сочувственно отнеслась наша публика не подлежитъ сомнѣнію. Мы вполне надѣемся, что г. Пальмъ, понявъ изъ опыта истинныя причины убытковъ, не испугается понесеннаго дефицита и что съ другой стороны и наша администрація съумѣетъ поощрить его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

дѣло русской оперы болѣе своевременно, чѣмъ это было сдѣлано въ прошломъ году.

Поэтому, надѣясь въ сентябрѣ мѣсяцѣ опять увидѣть на нашей сценѣ оперу, мы считаемъ нужнымъ указать на нѣкоторыя явленія нашей театральной жизни, повтореніе которыхъ было бы весьма нежелательно. Мы говоримъ о томъ въ высшей степени хаотичномъ и подъ часъ просто неприличномъ отношеніи публики къ артистамъ, г. Пальму, къ искусству и къ той части публики (разумѣется большинству), которая приходитъ слушать оперу и которая далека отъ закулисныхъ интригъ. Скандалы въ нашемъ театрѣ до антрепризы г. Пальма бывали очень рѣдки. Въ теченіи же его антрепризы мы очень часто были свидѣтелями криковъ, шума, переговоровъ между публикою и артистами, требованій публичныхъ объясненій отъ г. Пальма со сцены и наконецъ чтеніе на сценѣ невѣдомо кѣмъ составленныхъ адресовъ, дававшихъ лишь матеріалъ для альбома курьезовъ „Фаланги“. Намъ кажется, что публика имѣетъ гораздо болѣе приличный способъ заявлять свои требованія и желанія, такъ какъ разумѣется ни одна изъ Тифлисскихъ газетъ не закроетъ своихъ столбцовъ для коллективныхъ заявленій театральной публики и для отвѣтныхъ объясненій артистовъ и антрепренеровъ. Поднимать же въ театрѣ гвалтъ и шумъ, въ которомъ никто ничего не можетъ разобрать, это значитъ дѣлать скандалъ и обращать театръ въ неприличный балаганъ. Какъ на примѣръ подобныхъ неприличныхъ выходокъ со стороны публики (разумѣется меньшинства ея) мы укажемъ на скандалъ, сдѣланный въ послѣдній оперный спектакль, когда нѣсколько человекъ пожелали отомстить любимицѣ Тифлисской публики г-жѣ Павловской за то, что она не хотѣла пѣть два раза въ день, чего требовала отъ нее публика, собравшаяся въ театрѣ. Изъ письма г. Павловскаго, напечатаннаго въ № 45 „Кавказа“ видно, что никто не позаботился извѣстить артистку о томъ, что происходитъ въ театрѣ, хотя антрепренеру и было извѣстно, у кого именно изъ своихъ знакомыхъ была въ то время г-жа Павловская. Прилично-ли было со стороны зачинщиковъ скандала, не разобравши дѣла оскорблять артистку, которая съ перваго появленія своего на Тифлисской сценѣ пользовалась громаднымъ успѣхомъ, которая пользовалась таковымъ же успѣхомъ и на другихъ оперныхъ сценахъ и участія которой въ составѣ нашей оперной труппы на будущій сезонъ желаетъ отъ души вся Тифлисская публика и главнымъ образомъ та часть ея, которая, цѣня чистое искусство, далека отъ закулисныхъ дразгъ и интригъ.

ИНОГОРОДНЯЯ ПОЧТА.

Ивирилы. Читателю Голоса.

Особенно, но нисколько не остроумно и для „Фаланги“ не годится.

Харьковъ. Чичикову.

Наме рѣшеніе для васъ, на этотъ разъ, неблагоприятно.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

ПРИСЯЖНЫЙ СТЯПЧИЙ

ИВАНЪ ФЕЛИКСОВИЧЪ

ТХОРЖЕВСКІЙ

Переехалъ на Саперную ул., д. № 5.

принимаетъ отъ 3 часовъ по полудню до 8.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „ФАЛАНГА“

честь имѣетъ увѣдомить гг. подписчиковъ „Тифлисскаго Вѣстника“, чтобъ они при требованіи „Фаланги“ предъявляли квитанціи.

ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ

В. ШАВЕРДОВА

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

- Достоевскій. Полное собраніе сочиненій.
- Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій.
- Мордовцевъ. Великій расколъ.
- Жюль Вернъ. Вокругъ свѣта въ 80 дней. Новое изд. (книж. магаз. Новое Время.) / 1/25
- Д-ръ Шиллеръ. Трахеотомія и ларингомія.
- Джонъ Морли. О Компромиссѣ.
- Ломачевскій. Изъ воспоминаній жандарма.
- Труды Общества русскихъ врачей.
- Равье. Учебникъ гистологій.
- Д-ръ Григорьевъ. Металоскопія и металлотерапія.
- Баланиревъ. Историческій романъ изъ временъ Петра 1-го.
- Елпатьевскій. Сборникъ бытовыхъ статей.
- Огородниковъ. Страна солнца съ картою.
- Льсковъ. Обойденные.
- Поддубный. Доска для черченія географическихъ картъ частей свѣта и отдѣльно каждаго государства съ приложеніемъ чертежей и грифидей.
- ЗЕЙДЛИЦЪ. Этнографическая карта Кавказскаго края.

ДИЗЕНФЕКЦІОННЫЯ СРЕДСТВА.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержанія хлора, переносъ марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ. (3) 30—5.